ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 5 Суббота 1 (14) февраля 1903 г. № 5

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

(Свадьба Наполеона III).

29 января 1853 года навсегда останется знаменательнымъ днемъ въ исторіи династіи Бонапартовъ. Шарль-Луи-Наполеонъ, императоръ французовъ, Наполеонъ III, подвелъ къ алтарю графиню Евгенію-Марію Монтихо (Гуцмагъ-Теба-Мора-Баносъ-Фернандецъ - Кордова - Лепра - Лакуне). Этотъ бракъ „авантюриста" съ „авантюристкой" заставилъ всю Европу изумиться; вѣдь не прошло еще двухъ мѣсяцевъ со времени разыграннаго имъ государственнаго переворота.

Наполеонъ добился императорскаго титула и, послѣ долгихъ томительныхъ переговоровъ съ иностранными дворами, — римской цифры III, вопреки пророчеству Гентца: „Наполеона называетъ первымъ только то меньшинство, которое вѣритъ еще во второго Наполеона". По примѣру великаго дяди, онъ рѣшилъ упрочить свое положеніе подходящимъ бракомъ.

Какъ извѣстно, его попытки въ этомъ направленіи окончились неудачами. Иные дворы не могли выставить соотвѣтственную кандидатку, иные не хотѣли родниться съ новоиспеченымъ императоромъ. Но возстановленная династія Бонапартовъ должна была имѣть прямого наслѣдника, и Наполеону оставалось лишь снизойти до такъ называемаго „мезальянса". Онъ придалъ своему браку съ Монтихо романтическую окраску, чтобы привлечь симпатіи французскаго народа, говорилъ о любви къ ней, ссылался на Жозефину Богарнэ, которая не происходила изъ королевскаго рода, но съумѣла дать счастье своей родинѣ; онъ напомнилъ и о томъ, что какъ по воспитанію, такъ и по заслугамъ отца, сражавшагося за Францію, по чувствамъ и мыслямъ, Монтихо истая француженка; но, будучи въ то же время испанскаго происхожденія, она не имѣетъ во Франціи родственныхъ связей, и это очень важно.

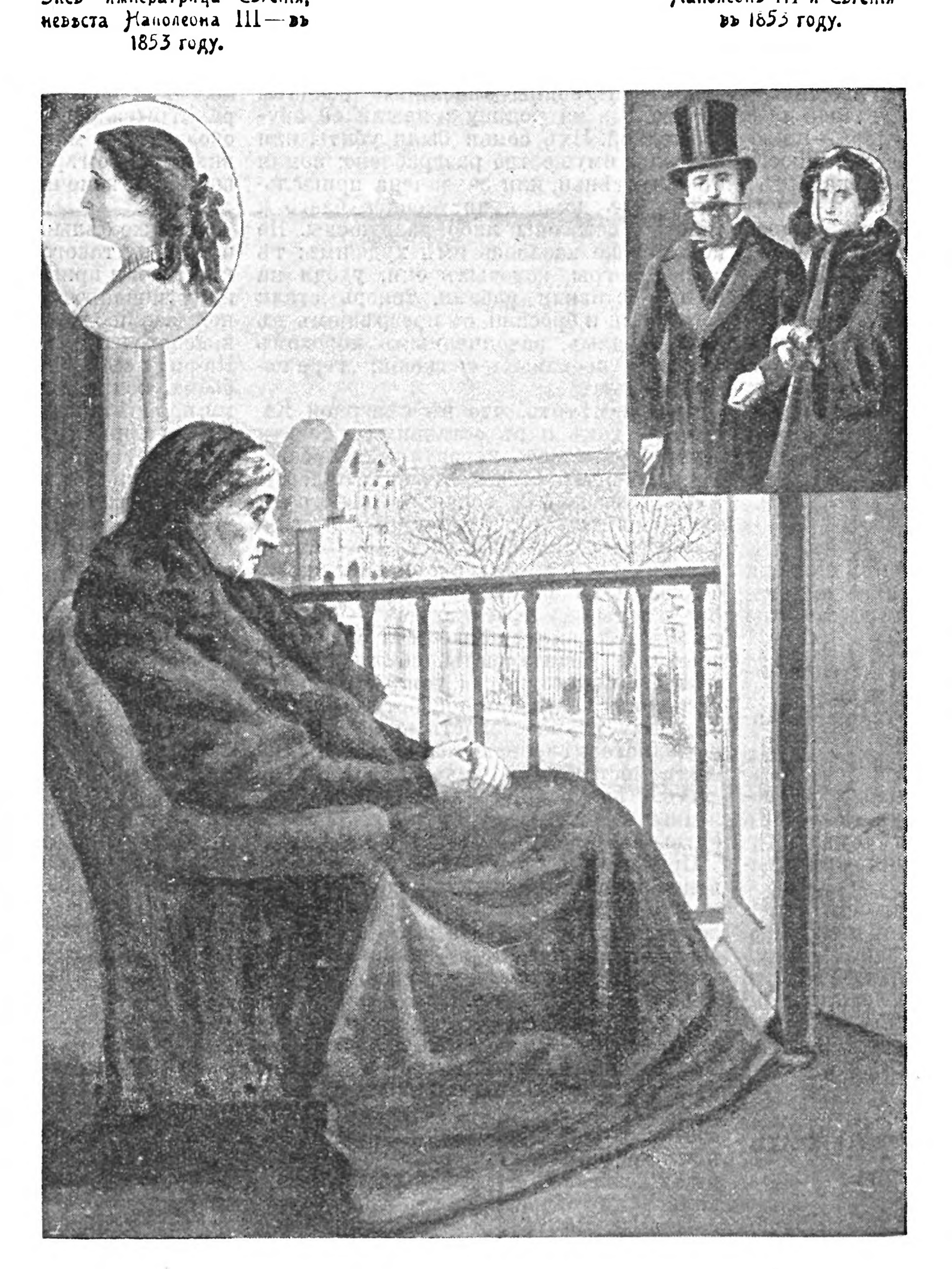
22 января Наполеонъ обратился съ рѣчью къ государственному совѣту и президенту законодательнаго корпуса. Она отчасти напоминала о баснѣ про лису и виноградъ. „Семьи монарховъ не примутъ въ свой кругъ того, кто сравнившись съ ними на основаніи „новаго принципа", пытался бы во что бы то ни стало войти въ этотъ кругъ. Но они допустятъ его, если онъ явится къ нимъ въ качествѣ новоизбранника—славный титулъ, дарованный великой націей посредствомъ свободнаго голосованія". Незадолго передъ тѣмъ въ „Moniteur" появилось оффиціальное сообщеніе о помолвкѣ императора. Не безынтересно привести его въ подлинникѣ:

„Un événement heureux destiné à consolider le gouvernement de Sa Majesté Impériale et à assurer l'avenir de la dynastie est sur le point de s'accomplir. L'Empereur épouse mademoiselle de Montijo, comtesse de Teba. Le mariage doit être annoncé officiellement, aux grands corps de l'Etat, samedi prochain 22. La celébration aura lieu le samedi suivant 29. Mademoiselle de Montijo, d'une très grande famille d'Espagne, est soeur de la duchesse d'Alba. Elle est aussi distinguée par la supériorité de son esprit, que par les charmes d'une beauté accomplie".

Только въ низшихъ слояхъ французскаго населенія не проявилось извѣстнаго неудовольствія по поводу выбора императора. Третье сословіе проявляло сдержанность. Родовая же аристократія глумилась надъ возведеніемъ испанской, значитъ, иностранной, графини на императорскій престолъ; тѣмъ болѣе, что мать этой графини пользовалась далеко не безупречной репутаціей. Молодость этой дамы прошла довольно бурно. Ея бракъ съ дономъ Іоахимомъ де-Монтихо былъ расторгнутъ судебнымъ порядкомъ и вновь заключенъ; такъ что многіе высказывали сомнѣніе, законно ли происхожденіе Евгеніи. Передавались въ явь и въ тихомолку слухи... Въ Парижѣ Монтихо-мать жила открыто, украшеніемъ ея салона была, конечно, дочъ. Наполеонъ познакомился съ молодой графиней еще въ то время, когда былъ только президентомъ республики. Евгенія сумѣла заинтересовать будущаго императора; недаромъ онъ считался знатокомъ женщинъ, а она — одна изъ самыхъ красивыхъ парижанокъ.

Экс - императрица Евгенія, невѣста Наполеона III — въ 1853 году.

Наполеонъ III и Евгенія въ 1853 году.

Эксъ-императрица Евгенія.
Съ послѣдняго портрета, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Графъ Дюркгеймъ-Монмартэнъ, хорошо изучившій бытъ современнаго ему парижскаго общества и двора, отзывается о Евгеніи въ такихъ выраженіяхъ: „Ни Мурильо, ни Веласкецъ, и развѣ только Тиціанъ, при нѣжности его красокъ и всей его кротости, могъ бы ее изобразить“. Никогда раньше не приходилось видѣть столь очаровательную и гармонично сложенную фигуру, головку, украшенную такими золотистыми косами. Ослѣпительный цвѣтъ кожи, прекрасныя глаза, оттѣненные длинными рѣсницами, чудный ростъ и чарующія изысканныя манеры--озаряли невѣсту императора сіяніемъ дѣвственной красоты“.

Увлеченіе Наполеона Евгеніей еще возросло благодаря ея чуткой отзывчивости на его политическія идеи; и сѣти были слишкомъ крѣпки, чтобы онъ могъ освободиться отъ нихъ.

Король Вестфальскій, принцъ Жеромъ, и сводный братъ Наполеона, графъ Морни, приближенные императора Друэнъ де-ла-Гюйсъ, Персиньи и другіе напрасно пытались отклонить его отъ женитьбы на „испанкѣ“; больше другихъ возставали члены императорской семьи, но протестъ былъ безплоденъ. Какъ только состоялось соглашеніе съ миссъ Говардъ, возлюбленной Наполеона, которая якобы принесла значительныя матеріальныя жертвы, и деньгами было куплено ея молчаніе, ничто уже не препятствовало браку императора, и 29 января онъ былъ заключенъ гражданскимъ порядкомъ, въ законномъ порядкѣ, въ Salle des maréchaux Тюильерійскаго дворца. Въ качествѣ свидѣтелей подписались, — по словамъ Делора,—принцы Жеромъ, Наполеонъ-Жозефъ, Люсьенъ и Пьеръ - Наполеонъ Бонапарты, принцессы Матильда Бонапарте-Демидова и Элиза Басвочи (графиня Камерата), принцъ Люсьенъ Мюратъ, кардиналы Бональдъ, Дюнонъ, Матье, Гуффэ, Доннэ, и многіе маршалы, адмиралы, президенты сената и палаты министровъ и др. По окончаніи обряда, императоръ и императрица присутствовали на спектаклѣ въ „Salle des spectacles“, гдѣ артистами оперы была исполнена торжественная кантата съ такимъ припѣвомъ:

„Espagne bien aimée,
Où le ciel est vermeil,
C'est toi qui l'a formé
D'un rayon le soleil“.

На слѣдующій день на балу въ Тюильери „муза“, въ старинномъ испанскомъ костюмѣ величала новобрачныхъ въ еще болѣе льстивыхъ стихахъ:

„Céleste concerts — Douce harmonie --
Glissez dans les airs;
Chantez la grace unie--Au génie—Chantez Eugénie,
Et les amours—Durent toujours“.

30 января въ Парижѣ архіепископъ совершилъ церковный обрядъ въ соборѣ Notre-Dame. На императрицѣ была та самая корона, что 2 апрѣля 1810 года украшала голову Маріи-Луизы.

Отъ собора по пути ко дворцу толпилось свыше двухсотъ тысячъ человѣкъ. Народъ велъ себя сдержанно. И лишь когда новобрачные показались на одномъ изъ балконовъ Тюильери, раздались единичные привѣтственные клики.

Бѣлые и черные въ Америкѣ и ихъ взаимная ненависть.

———

„Президентъ Рузвельтъ, олицетворящій самою смѣлость, рѣшилъ, повидимому, вступить въ открытый бой съ расовыми предразсудками сѣверо-американской демократіи. Сначала онъ пригласилъ къ своему столу негра (благовоспитанные люди Соединенныхъ Штатовъ, облекая свое презрѣніе въ вѣжливую форму, говорятъ: „эфіопа“); потомъ онъ назначилъ трехъ цвѣтныхъ джентльменовъ на отвѣтственныя должности,—между прочимъ, въ южной Каролинѣ—этомъ очагѣ вражды къ неграмъ. И то, чего можно было опасаться, тотчасъ обнаружилось. Отъ Тихаго до Атлантическаго океана, отъ Мексиканскаго залива до Великихъ озеръ пронесся дружный крикъ негодованія. Весь югъ поднялся, какъ во дни кровавыхъ ужасовъ Джона Брауна. Народный гнѣвъ угрожаетъ любимцамъ президента, а потомъ и всѣмъ цвѣтнымъ людямъ, хотя бы они не получили никакихъ служебныхъ отличій. Но въ то время, какъ газеты переполнены отголосками этой ожесточенной травли, я прочелъ книгу Томаса Диксона „The Leopard's Spots“ (Пятна Леопарда). Подобно молніи она освѣтила мнѣ самыя темныя извилины душевнаго склада сѣверо американцевъ“.

Такъ начинаетъ Максъ Нордау свою блестящую статью, посвященную злобѣ американскаго политическаго дня.

„Пятна Леопарда“—тенденціозный романъ, въ которомъ широкими штрихами набросана картина жизни въ Южныхъ Штатахъ и въ особенности въ сѣверной Каролинѣ въ ту эпоху, когда послѣдній отрядъ конфедератовъ, подъ начальствомъ генерала Ли, сложилъ оружіе и возстаніе сторонниковъ рабства было окончательно подавлено. Послѣ четырехлѣтней войны бѣлолицые солдаты воротились на родину и нашли ее опустошенной. Ихъ семьи были убиты или исчезли; имущество разграблено; земля въ запустѣньи, или захвачена пришельцами, ихъ дома, единственное благо и счастье, сожжены либо разрушены. Но не это еще казалось имъ худшимъ: тѣ самые негры, которыхъ они, уходя на войну, оставили рабами, теперь стали господами и бросали съ презрѣніемъ въ лицо людямъ, закопченнымъ порохомъ двадцати кровавыхъ сраженій: „горе побѣжденнымъ“.

Надо замѣтить, что въ сѣверной Каролинѣ, какъ и въ остальныхъ десяти южныхъ штатахъ, негритянское населеніе численно преобладаетъ надъ бѣлымъ. Успѣхъ союзныхъ войскъ даровалъ неграмъ полноправіе: они теперь получили право голосованія, которымъ научились пользоваться, благодаря наставленіямъ безмозглыхъ бѣлолицыхъ политиковъ. Знаменитые „Carpet Baggers“ — бездомный сбродъ, невѣдомые или слишкомъ знакомые авантюристы, сбѣжавшіе каторжники, преступники, увильнувшіе отъ висѣлицы благодаря ловкости или счастливому случаю, злостные банкроты и люди, потерпѣвшіе крушеніе на различныхъ честныхъ и нечестныхъ поприщахъ, — заполонили югъ точно стая голодныхъ волковъ, нагрянувшихъ на поле битвы въ надеждѣ на богатую добычу.

Пріемы Carpet Baggers были необыкновенно просты: они появлялись въ какомъ-нибудь южномъ городѣ, собирали вокругъ себя негровъ и учреждали „Freemen's office“, т. е. „бюро для вольноотпущенныхъ“. Оффиціальной цѣлью такихъ учрежденій выставлялась охрана бывшихъ рабовъ и руководство ими на первыхъ шагахъ свободной жизни. На самомъ же дѣлѣ это были притоны вербовщиковъ, которые заманивали негровъ въ качествѣ безотвѣтнаго „выборнаго скота“. Правда, небольшое число прежнихъ рабовъ сохранило вѣрность старымъ хозяевамъ и отказалось присоединиться къ товариществамъ вольноотпущенныхъ. Но то было незначительное меньшинство; оно подвергалось угрозамъ, потомъ нападеніямъ, иногда даже избіенію до тѣхъ поръ, пока всѣ цвѣтные не попали подъ ярмо бѣлыхъ вербовщиковъ.

Дальше все пошло своимъ порядкомъ. Послѣ выборовъ, проведенныхъ посредствомъ открытаго насилія, обмана и подлоговъ, Carpet Baggers овладѣли кормиломъ власти въ общинахъ, графствахъ и штатахъ; они распредѣлили между собою должности губернаторовъ, сенаторовъ, депутатовъ и городскихъ головъ и уступили лишь отбросы власти нѣкоторымъ изъ своихъ цвѣтныхъ помощниковъ, наиболѣе крикливымъ или безсовѣстнымъ.

Чиновники грабили общественныя кассы и клали подати себѣ въ карманы; въ качествѣ судей, они попирали право и законы; въ качествѣ почтмейстеровъ они обратили всѣ почтамты въ „черные кабинеты“. У тѣхъ изъ бѣлолицыхъ, которые не хотѣли покориться вашингтонскимъ бандитамъ, не было гарантіи ни имуществу, ни жизни. Если домъ или имѣніе приходилось по вкусу одному изъ Carpet Baggers или члену шайки ихъ чернолицыхъ приспѣшниковъ, къ владѣльцу этого имущества предъявлялось требованіе несоразмѣрныхъ податей. А учрежденія, въ которыхъ разсматривались жалобы на неправильныя обложенія, были въ рукахъ тѣхъ же бродягъ. И съ несчастнымъ, что отказывался платить подати чаще потому, что она далеко превосходила стоимость всего имущества, расправа была коротка: его имѣніе продавали съ молотка. Густая цѣпь вооруженныхъ негровъ не допускала солидныхъ покупателей къ участію въ торгахъ и имѣніе доставалось подъ предлогомъ законныхъ поводовъ одному изъ членовъ банды. Такимъ образомъ, разыгрывалась комедія: собственникъ обездоленъ, мнимый покупатель становился правомѣрнымъ владѣльцемъ имущества и, конечно, не платилъ за то ни копѣйки.

Если же бѣлый выражалъ негодованіе по поводу такого насилія, его обвиняли въ бунтѣ и приговаривали къ многолѣтнему лишенію свободы или даже къ смертной казни, хотя чаще подпускали ему краснаго пѣтуха или убивали из-за угла. На-ряду съ убійствомъ, поджогами, разбоемъ, подкупами и выборными обманами процвѣтали и преступленія противъ нравственности, именно противъ бѣлыхъ женщинъ, которыхъ, якобы, постоянно насиловали негры. Это было послѣдней каплей, переполнившей сосудъ.

Бѣлые, истощенные и подавленные четырехлѣтней кровавой и несчастной войной, въ нѣмомъ отчаяніи покорились игу Carpet Baggers и даже примирились съ высокомѣріемъ негровъ. Но когда бывшіе рабы посягнули на честь ихъ женъ и дочерей, они сбросили внезапно оковы сна и ярость возродила въ нихъ мощь храбрыхъ англосаксовъ, заставила вспомнить съ гордостью что они свободные бѣлые граждане. Противъ насилія они выступили съ насиліемъ, на терроръ пошли терроромъ. И, словно по щучьему велѣнію, соединились въ знаменитый „Ку-Клуксъ-Кланъ“—союзъ, который возстановилъ законъ и порядокъ при помощи самыхъ незаконныхъ средствъ.

Члены союза составили конную дружину; лошади ихъ были покрыты бѣлыми попонами чуть ли не до копытъ. Сами они — въ бѣлыхъ рубашкахъ поверхъ платья и съ бѣлой вуалью на лицѣ—отрядами въ нѣсколько тысячъ вторгались ночью въ городъ или селеніе; захватывали виновника преступленія, которое почитали достойнымъ мщенія и подвергали его, сообразно винѣ, то наказанію плетьми, шпицрутенами, палками, то жестокимъ пыткамъ и медленной смерти. Передъ разсвѣтомъ они исчезали, не преминувъ оставить на мѣстѣ казни или пытки записку: „Возмездіе Ку-Кланъ-Клукса“.

Нѣсколькихъ расправъ было достаточно, чтобы навести панику на шайку грабителей. Carpet Baggers, набивавшіе мош-

ну чужимъ добромъ, обратились въ безумное бѣгство. Они явились изъ Вашингтона босыми, съ жалкимъ мѣшкомъ подъ мышкой — отсюда кличка „Carpet Baggers",—а вернулись туда съ милліонами, и предпочли проживать ихъ на мирномъ сѣверѣ, нежели вѣдаться съ „кланомъ" и рисковать головой. А черные сотоварищи ихъ, лишившись главарей шайки, тотчасъ обратились въ прежнихъ рабовъ и, павши передъ хозяевами, лизали имъ ноги. Въ теоріи свободные, они на дѣлѣ не дерзали пользоваться своими правами—уклонялись отъ выборнаго голосованія; и бѣлые вновь стали во главѣ общинъ и штатовъ. Негры же опять были порабощены, но ихъ положеніе сравнительно ухудшилось, потому что теперь они оказались предоставленными самимъ себѣ; никто уже не сталъ бы кормить и защищать ихъ, какъ раньше.

Таково положеніе вещей, обрисованное въ романѣ Диксона множествомъ образныхъ деталей. Любовную интригу, что примѣшивается къ историческому изложенію, я оставляю въ сторонѣ,—она не важна. Существенна въ книгѣ—ея основная мысль.

Томасъ Диксонъ рѣшительно высказывается въ томъ смыслѣ, что созданное Линкольномъ должно быть разрушено. Не то, чтобы авторъ требовалъ возстановленія рабства, но онъ настаиваетъ на лишеніи негровъ политическихъ правъ, которыя были имъ дарованы въ 1861 г. великодушіемъ С. Штатовъ, и признать которые рабовладѣльческіе штаты были принуждены послѣ кровавой войны.

По мнѣнію Томаса Диксона, въ черной расѣ настолько ясно выражены животныя наклонности, что бѣлые посягаютъ на свою жизнь, когда обращаются съ ними какъ съ равными. Съ дикимъ одушевленіемъ, словно въ бреду, онъ проповѣдуетъ евангеліе англосаксонскаго превосходства и воинствующаго имперіализма, который начнетъ очищеніемъ С. Штатовъ отъ негровъ и окончитъ покореніемъ вселенной. Одинъ изъ героевъ романа, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „не мыслимо основать государство на враждѣ двухъ расъ. Наша будущность въ англосаксонской, а не мулатской расѣ. Въ нашей исторіи пробилъ часъ, когда негры должны быть изгнаны изъ народной жизни, а владычество нашихъ предковъ—возстановлено разъ навсегда. Въ новое столѣтіе англосаксъ вступаетъ съ царской короной прошлаго и настоящаго и скипетромъ безконечности. Побѣдоносному англосаксу предшествуютъ по всему свѣту клики побѣды. Наши предки, въ сознаніи своей національности, мечтали о мѣстномъ первенствѣ. Мы же мечтали о покореніи міра. Мы вѣримъ, что наша раса избрана Богомъ, какъ нѣкогда избранъ былъ Израиль: что среди всеобщей неурядицы ей, олицетворяющей культуру, подобаетъ установить и упрочить среди слабѣйшихъ расъ основныя начала гражданской и религіозной свободы и конституціоннаго правленія. Въ этотъ рѣшающій моментъ наше знамя развѣвается надъ десятью милліонами, полудикихъ негровъ, населяющихъ прогнившую рабскую дыру Востока—Филиппинскіе острова. Надо ли намъ возобновлять комедію 1867 года, извращать естественный порядокъ вещей и ставить черномазыхъ на господское мѣсто? Если такъ, почему же не покуситься на нашу жизнь и африканцу, отъ котораго недалеко ушелъ филиппинецъ? Неужели это древнее, благородное государство такъ и сгніетъ въ негритянской грязи и низости? И мы живемъ на зарѣ двадцатаго вѣка?! Стремимся идти впередъ и въ то же время буквально омертвѣли отъ гнойныхъ язвъ негритянской чумы. Пятнадцать обширныхъ графствъ вновь подъ пятой негровъ. Государство сдавлено ихъ тисками. Наши выборныя учрежденія опозорены составомъ избирателей.

„Ихъ безстыдство грозитъ нашимъ женамъ. По дорогѣ въ школу наши дѣти подвергаются издѣвательствамъ чернокожихъ бездѣльник въ, за которыхъ мы платимъ всѣ подати. Терпимъ-ли надзоръ негровъ надъ школами бѣлыхъ и руководство неграми учрежденій бѣлыхъ? Задержаніе бѣлыхъ женщинъ черными полицейскими и судъ надъ ними чернолицыхъ судей? Услышьте меня, люди моей расы, норманны и кельты, англы и саксы, датчане и франки, кровь гугенотскихъ и германскихъ мучениковъ! Пробилъ часъ, соберемъ силы, порвемъ оковы, въ которыхъ мы разлагаемся, и мощно низринувъ негра, вновь отвоюемъ нашимъ дѣтямъ родовое право,—это безцѣнное сокровище, унаслѣдованное нами отъ предковъ... Достоинъ-ли негръ властвовать надъ нами? Спросите исторію. Вотъ уже три тысячи лѣтъ негръ владѣетъ четвертой частью земного шара. Онъ не подвинулся ни на шагъ впередъ, не очистилъ ни одной чащи отъ гадюкъ. На Гаити и Санъ-Доминго онъ поднялъ мятежъ среди рабовъ и перебилъ пятьдесятъ тысячъ бѣлыхъ: мужей, женъ и дѣтей. На этихъ чудныхъ островахъ онъ царитъ уже сотни лѣтъ. Имѣя передъ собою образецъ арійской культуры, обнаружилъ-ли онъ въ чемъ-нибудь прогрессъ? Нѣтъ. Еще вчера мы узнали, что на Гаити обнаружено людоѣдство. Въ нашихъ сѣверныхъ штатахъ въ теченіе испытательнаго столѣтія неграмъ были предоставлены всѣ блага цивилизаціи и культуры, но ни одинъ изъ нихъ не увеличилъ хотя-бы на волосокъ умственнаго достоянія человѣчества. Пусть негръ живетъ, пользуется свободой и стремится къ счастью, если онъ вообще способенъ быть счастливымъ, не царствуя надъ англо-саксами и не унижая насъ до собственнаго уровня. Но если все его счастье во владычествѣ надъ высшей расой, пусть ищетъ другой части свѣта и тамъ царитъ. Въ этой намъ обоимъ нѣтъ мѣста!"

Другое дѣйствующее лицо романа, кроткій пасторъ, говоритъ слѣдующее: „если нужно, мы истребимъ негровъ. Вонъ ихъ изъ Америки. Старики пусть еще доживаютъ свой вѣкъ, но молодежь вонъ! Эфіопъ не можетъ перемѣнить своей шкуры, какъ леопардъ своихъ пятенъ. Одна капля негритянской крови дѣлаетъ цѣлаго негра. Хотите ли вы имѣть дѣтьми мулатовъ, т. е. негровъ? То, что называютъ расовымъ предразсудкомъ, есть лишь естественный и божественный законъ стремленія къ самоохранѣ".

Вотъ то, что приходится читать въ книгѣ американца, полной мрачной рѣшимости и дикаго краснорѣчія, въ произведеніи автора, одареннаго необыкновеннымъ писательскимъ талантомъ, мощью мысли и слова; и это черезъ сто лѣтъ послѣ Вильберфорса, черезъ пятьдесятъ послѣ Шельхера! Не слѣдуетъ-ли усомниться, по-истинѣ, въ прогрессѣ человѣчества?

Въ приведенныхъ рѣчахъ слышатся раскаты того же грома, отзвуками котораго, едва ли ослабленными, полно декабрьское посланіе президента Рузвельта. Книга Диксона появилась раньше посланія Рузвельта. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ настроеніемъ, широко охватившемъ американскій народъ, и оно нашло выраженіе у писателя, какъ и у высшаго чиновнаго лица Соединенныхъ Штатовъ. Оба сходятся во взглядѣ на имперіализмъ и далеко расходятся во взглядахъ на негровъ.

Я не достаточно знакомъ съ бытомъ прежнихъ рабовладѣльческихъ штатовъ, чтобы судить, насколько ихъ состояніе послѣ гражданской войны вѣрно описано Диксономъ. Но иные изъ его принципіальныхъ положеній кажутся сомнительными!

„Одна капля негритянской крови дѣлаетъ цѣлаго негра". Такъ-ли!? Но величайшій русскій поэтъ Пушкинъ былъ сыномъ негра *). Дюма-отецъ, одинъ изъ лучшихъ и занимательныхъ французскихъ писателей, внукъ негритянки. Дюма-сынъ, популярнѣйшій драматургъ своего времени, былъ квартеронъ. По теоріи Диксона, всѣ трое оказались бы неграми. Если такъ, поздравляемъ негровъ, а если нѣтъ, то въ чемъ же сила доказательствъ Диксона?

Одна капля негритянской крови!

Въ южной Франціи, Италіи, Испаніи и Португаліи, въ милліонахъ честныхъ европейцевъ течетъ гораздо больше капель негритянской крови, но они ни въ чемъ не отличаются отъ чистокровныхъ бѣлыхъ и ничто не дало-бы Диксону основанія заподозрить ихъ въ этомъ.

Диксонъ хотѣлъ-бы изгнать негровъ изъ Америки или истребить ихъ. Пусть попробуетъ, и увидимъ, насколько это возможно. Нельзя ни избить, ни изгнать восемь милліоновъ людей, можно только ихъ сдѣлать глубоко несчастными и опасными для себя, для ихъ родины.

Несомнѣнно, въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ вопросъ о неграхъ. Онъ очень серіозенъ и труденъ. Но чья въ томъ вина? Негры пришли въ Америку не по своей волѣ; они вовсе не добивались чести стать гражданами Соединенныхъ Штатовъ: ихъ притащили силой работорговцы изъ Африки. Сыновья работорговцевъ не имѣютъ права слагать съ себя отвѣтственности за грѣхи отцовъ. Потомки наслѣдуютъ предкамъ въ честь, какъ и въ стыдъ. Пусть же попробуютъ разобраться въ достояніи своихъ предковъ, торговавшихъ чернымъ людомъ. Было бы очень удобно отдѣлаться отъ живыхъ свидѣтелей преступленій, совершенныхъ предшествующимъ поколѣніемъ, подвергнувъ этихъ очевидцевъ смерти или изгнанію. Нѣтъ, придется, видно, понатужиться, чтобы найти исходъ болѣе человѣчный и болѣе достойный американской культуры.

Полвѣка назадъ міръ былъ потрясенъ книгой Бичеръ-Стоу: „Хижина дяди Тома". Диксонъ написалъ романъ прямо противоположный этому историческому труду. Тамъ была проповѣдь свободы, здѣсь—новаго рабства; то было написано любовью, это ненавистью. Безсознательной стихійной ненавистью, потому-что Диксонъ искренно убѣжденъ въ томъ, что онъ облагодѣтельствуетъ негровъ своимъ стремленіемъ отвратить отъ нихъ близкую и страшную кару. Его романъ впервые литературно облекаетъ антигамитизмъ. Издавна онъ коренится въ Соединенныхъ Штатахъ, захватываетъ все большіе и большіе круги, но никогда еще мы не встрѣчали подобнаго грубаго отрицанія любви къ ближнему, человѣчности, какъ въ этомъ крикѣ гнѣвной души.

Америка страдаетъ отъ безчисленныхъ дурныхъ дѣяній минувшихъ поколѣній. Она ненавидитъ жертвы, которыхъ подвергла жестокимъ страданіямъ. Это одна изъ основныхъ и всеобщихъ особенностей человѣческой души. Гораздо рѣже и блѣднѣе проявляется стремленіе загладить несправедливость и утѣшить жертву лаской.

Бывшіе рабовладѣльцы — нынѣ антигамиты; они слѣдуютъ логикѣ дюжинныхъ людей. Гдѣ былъ грабежъ—теперь жестокость; гдѣ преступленія—тамъ нынѣ убійства, какъ ихъ естественный исходъ. Но президентъ Рузвельтъ иначе мыслитъ, иначе чувствуетъ. Онъ противопоставляетъ антигамитической догмѣ соотече-

*) Почтенный нѣмецкій критикъ, очевидно, смѣшалъ отца поэта, Сергѣя Львовича, съ его дѣдомъ по матери — Ганнибаломъ.

Выносъ тѣла высокопреосвященнаго митрополита Ѳеогноста изъ храма при Кіево-Печерскомъ подворьѣ въ С.-Петербургѣ, 24-го января.

ственниковъ свою терпимость и вѣру въ способность всѣхъ расъ къ прогрессу. Изъ столкновенія этихъ двухъ теченій возникнетъ по всѣмъ признакамъ жестокій бой, который можетъ многому научить старую Европу.

Въ древней столицѣ Марокко.

„О, Фецъ! Всѣ красоты земли сосредоточены въ тебѣ!“ этими словами привѣтствуетъ арабскій историкъ древнюю столицу Марокко, на которую теперь обращены всѣ взоры. утешественники-европейцы, посѣтившіе этотъ городъ, также восхваляютъ его художественныя достоинства, хотя и недостатковъ въ немъ не мало. Весьма интересное описаніе своихъ впечатлѣній о Фецѣ даетъ англичанинъ Леаребъ. Путешественнику казалось, что онъ попалъ въ роскошный садъ.

„Роскошное орошеніе, благодаря протекающей черезъ городъ рѣкѣ, превратило это мѣсто въ земной рай. Роскошныя миртовыя деревья вышиною до 40 футовъ и цвѣтущій, благоухающій жасминъ попадаются на каждомъ шагу. Рѣка раздѣляетъ городъ на старую и новую часть: первая болѣе обширна и является центромъ промышленной жизни. Мы ѣхали черезъ длинную улицу, шириною всего въ одну сажень, которая тянется черезъ весь старый городъ. Мѣстами улицы были вымощены мелкимъ камнемъ, который казался полированнымъ. Лавки имѣютъ видъ обыкновенныхъ четырехугольныхъ комнатъ, расположенныхъ нѣсколько футовъ выше мостовой и совершенно открытыхъ. Онѣ были въ изобиліи снабжены всякаго рода товарами. Туземцы торговцы очень ловкіе и хитрые; сидятъ они на полу, подобно туркамъ, и товаръ подаютъ покупателю, большей частью не подымаясь. Многія улицы были снабжены открытыми крышами, сплетенными изъ тростника. Крыши эти и входы домовъ были убраны тканями, а дорога внизу была покрыта грязью и пылью. Городъ очень богатый. Главныя отрасли промышленности суть: шерстяная, кожевенная и производство глиняной посуды. Невыносимая жара значительно затрудняла закупки; торговцы съ покупателемъ обращаются повсюду вѣжливо и съ уваженіемъ. По направленію къ центру города картина нѣсколько мѣняется. Высокіе, нагроможденные другъ на друга дома во многихъ мѣстахъ съ трещинами.

Печальная процессія на Николаевскомъ мосту.

„Улицы узкія, черезъ каждые тридцать шаговъ онѣ поворачиваютъ то въ одну, то въ другую сторону, иногда оканчиваются совершенно темными проходами. Въ самомъ центрѣ города значительное движеніе. Мужчины останавливаются и оглядываютъ иностранцевъ съ удивленіемъ, женщины возвращаются назадъ или низко кланяются, дѣти кричатъ и убѣгаютъ, а взрослые мальчуганы издали грозятъ кулаками. На каждомъ шагу встрѣчаются источники съ мозаичными бесѣдками, мавританскія ворота, сводчатые разукрашенные дворы, остатки древней арабской архитектуры.

„Каждую минуту мы оказывались въ темныхъ проходахъ. Наконецъ, мы пришли на главную улицу, шириною всего въ 6 футовъ, которая была переполнена людьми. Данные намъ въ провожатые солдаты, взявшись за руки, окружили насъ, чтобы удобнѣе провести такимъ образомъ черезъ толпу. Тысячи глазъ были обращены на насъ. Въ этой давкѣ мы едва могли дышать отъ жары, подвигались медленно, останавливаясь каждую секунду, чтобы пропустить мавра на лошади, женщину съ закрытымъ лицомъ на верблюдѣ или осла съ поклажей. Старухи съ озлобленными лицами и совершенно голыми грудями проталкивались

Литія у Исаакіевскаго собора.

Перенесеніе тѣла высокопреосвященнаго митрополита Ѳеогноста изъ храма при Кіево-Печерскомъ подворьѣ на Варшавскій вокзалъ.

Со снимковъ нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

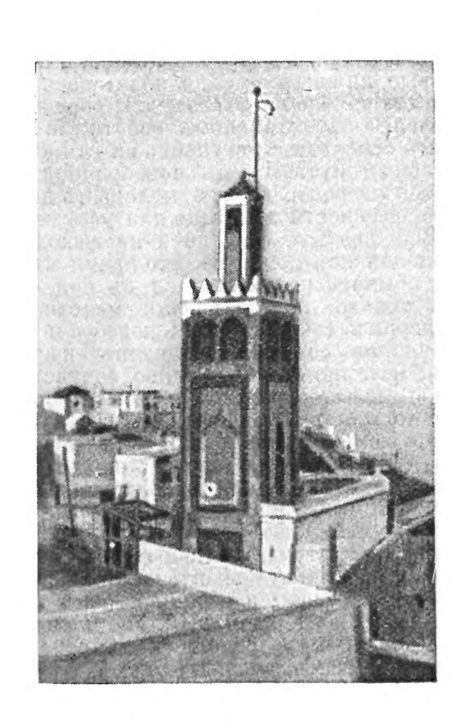

Къ событіямъ въ Марокко.— Солдатъ-марокканецъ.

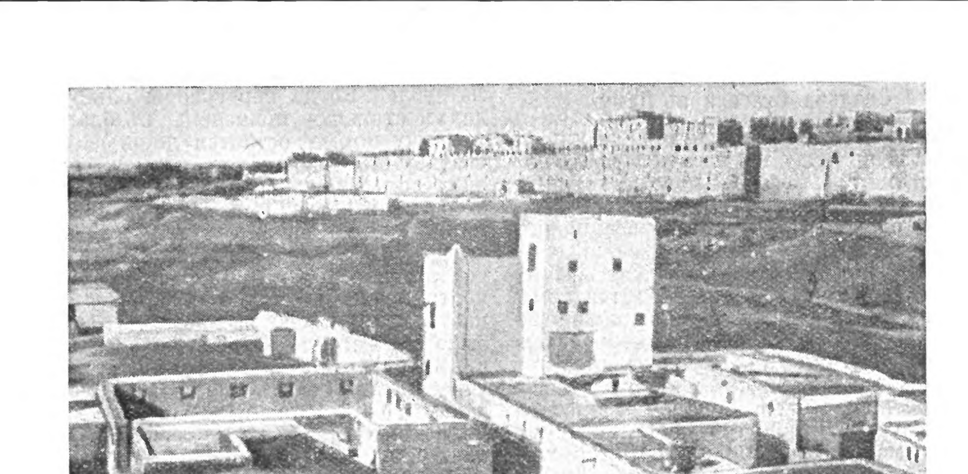
мимо насъ, посылая проклятья по нашему адресу, сусмашедшіе въ костюмѣ Адама, разукрашенные перьями и цвѣтами, попадались на каждомъ шагу... На другой улицѣ мы встрѣтили необыкновенно тучнаго стараго человѣка, духовнаго сана, который стоялъ опять-таки въ прародительскомъ костюмѣ, опершись на копье. Пока мы проходили, онъ произносилъ по нашему адресу проклятья.

„Столица Марокко, несомнѣнно, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ городовъ міра."

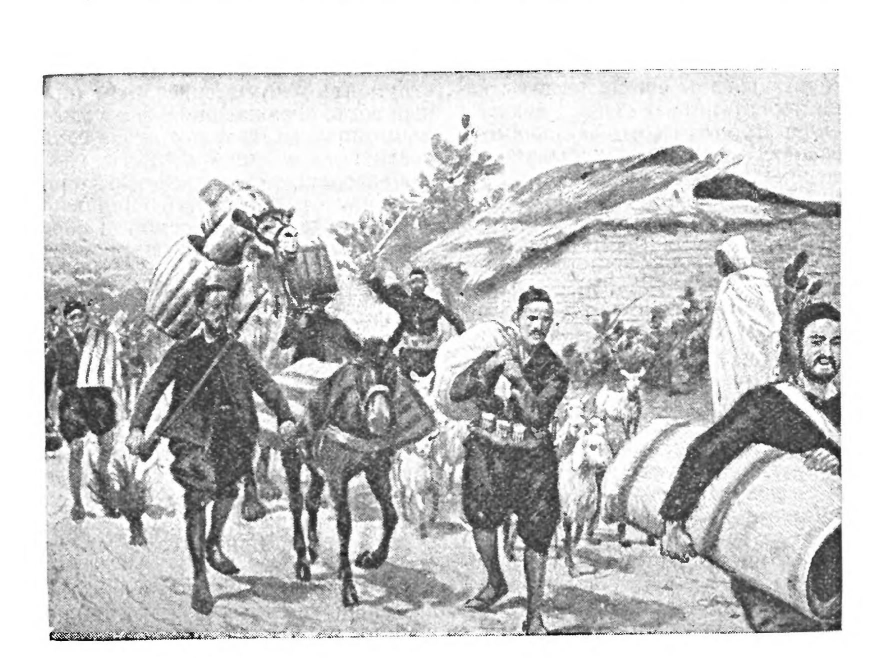

Къ событіямъ въ Марокко.— Главная мечеть въ Танжерѣ.

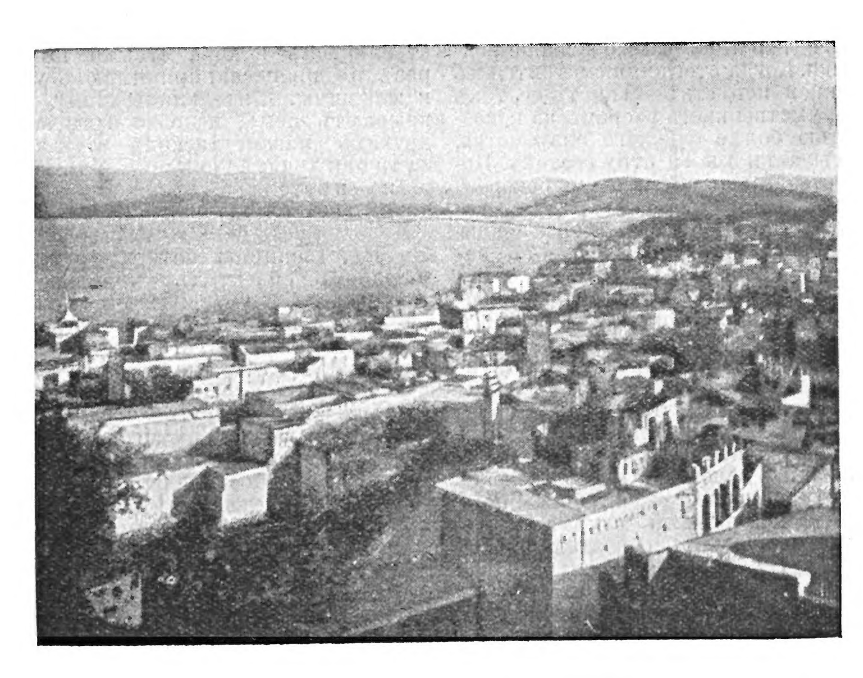

Къ событіямъ въ Марокко.— Видъ на фецскую крѣпость.

Къ событіямъ въ Марокко.— Разграбленіе кабильской деревни солдатами султана.

Съ моментальнаго снимка Р. Цабеля, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Къ событіямъ въ Марокко.— Видъ на Танжеръ съ моря.

Африканскіе свадебные обычаи.

Свадьба Суагели въ Ламу.

Если мы упоминаемъ о Суагели, то имѣемъ въ виду не жителей восточно-африканскаго побережья, а настоящихъ Суагели или вѣрнѣе—Вазуагели. Это потомки арабовъ и персовъ, переселившихся въ восточную Африку нѣсколько сотенъ или даже тысячъ лѣтъ назадъ. Иные между ними еще сегодня гордятся тѣмъ, что въ ихъ жилахъ нѣтъ ни капли негритянской крови. Обычаи Вазуагели совершенно отличны отъ обычаевъ другихъ восточно-африканскихъ племенъ, въ особенности свадебные. Конечно, вѣяніе времени и обѣднѣніе туземцевъ Ламу въ зависимости отъ уничтоженія рабства многое уже успѣли измѣнить. Теперь бракосочетаніе совершается путемъ лишь явки у кади, и родители рады-радехоньки, избавившись отъ лишняго рта. Но въ болѣе обезпеченныхъ семьяхъ еще крѣпки традиціи старины, за малыми, развѣ, исключеніями.

Когда мальчикъ достигнетъ юношескаго возраста и научится читать коранъ или даже цитировать его на память; когда юноша перестанетъ посѣщать школу и ходитъ лишь въ мечеть, чтобы закончить свое образованіе, отцу пора добывать все то, что необходимо для свадьбы. Это называется Kuingia umbani. Юноша видитъ, что его готовятся сосватать, что онъ женится, кажется ему вполнѣ естественнымъ, а когда именно, про то знаетъ отецъ. Ему остается лишь съ удовольствіемъ слѣдить за покупкой красиваго „іохо" (кафтанъ) съ широкимъ серебрянымъ шитьемъ, тюрбана и девли, т. е. пояса, затканнаго золотомъ. Стоимость „девли" иной разъ доходитъ до 500 рублей. Нарядъ дополняется кинжаломъ и саблей; ихъ берутъ обыкновенно изъ фамильной оружейни; оружіе,—переходитъ изъ рода въ родъ. Браки между близкими родственниками явленіе заурядное, особенно въ богатыхъ семьяхъ; очень часто дѣти чуть-ли не въ день рожденія предназначаются другъ другу, они ростутъ вмѣстѣ и знаютъ, что имъ предстоитъ бракъ. Но съ двѣнадцати лѣтъ ихъ разлучаютъ.

Если среди родни отецъ не подыщетъ сыну невѣсты, онъ присматривается къ дѣвушкамъ изъ другихъ родовъ; въ Ламу всѣ другъ друга знаютъ и хорошія невѣсты на счету. Какъ и у всѣхъ магометанъ сунитовъ, мужчины и женщины не разобщены; поэтому трудно составить себѣ мнѣніе о наружности невѣсты. Дѣвушку могутъ видѣть лишь самые близкіе родственники. Когда отецъ присмотрится къ намѣченной невѣсткѣ—окинетъ ее, такъ сказать, умственнымъ взоромъ, за невозможностью болѣе близкаго знакомства, онъ посылаетъ къ ея отцу сватовъ. Получить отказъ считается очень оскорбительнымъ, поэтому оффиціальному сватовству предшествуетъ нѣкоторое зондированіе почвы. Дѣвушку выдаютъ замужъ едва только она достигнетъ извѣстной физической зрѣлости, обыкновенно по четырнадцатому году. Мужчинъ женятъ 17—18 лѣтъ.

Если сватовство встрѣчаетъ сочувственный пріемъ, заходитъ рѣчь о магари и киту. Магари—это приданое, которымъ женихъ обезпечиваетъ невѣсту; оно рѣдко выплачивается до свадьбы и служитъ лишь залогомъ, вознаграждающимъ жену при расторженіи брака; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ мужъ не всегда выполняетъ обязательство, и есть много условій, при наличности которыхъ уплата приданаго считается не обязательной, напр., если требованіе развода исходитъ отъ жены. Киту—свадебный подарокъ, теперь онъ состоитъ изъ наличныхъ денегъ, а въ доброе старое время женихъ дарилъ невѣстѣ рабыню. Рабыня съ ожерельемъ (кама) оцѣнивалась въ сто долларовъ (200 руб.). Магари же колеблется между двумя и пятью стами рублей. Когда переговоры объ этихъ двухъ статьяхъ приведены къ благополучному исходу, остается лишь сыграть свадьбу. Ее назначаютъ чаще всего на одну изъ ближайшихъ пятницъ, этотъ день почитается магометанами праздничнымъ. Въ пятницу утромъ женихъ омывается въ банѣ и велитъ обрить себѣ голову; эту операцію производитъ вольноотпущенникъ семьи и въ награду получаетъ себѣ платье, которое въ то утро было на женихѣ. Потомъ молодой человѣкъ подвергается нѣсколькимъ косметическимъ пріемамъ: его натираютъ сандаломъ, благовонными маслами и мазями, потомъ облекаютъ въ свадебный нарядъ, опоясываютъ „девли". Женихъ затыкаетъ за поясъ кинжалъ и вооружается саблей.

Но полдень уже минулъ, утренняя служба въ мечети отошла, за женихомъ приходитъ отецъ, сопровождаемый кади и толпой друзей и родственниковъ. И женихъ окруженный нарядными рабынями выступаетъ въ свадебной процессіи; она открывается „музыкантами", главный инструментъ у нихъ „сива", огромный мѣдный рогъ, оглашающій воздухъ неописуемыми звуками. Въ такомъ порядкѣ шествіе достигаетъ жилища невѣсты, гдѣ ея суженнаго ожидаетъ стулъ изъ чернаго дерева съ отдѣлкой изъ слоновой кости. Женихъ садится на стулъ и обращаетъ лицо въ сторону Мекки. Напротивъ помѣщается кади, и едва только прозвучитъ его голосъ, шумъ тотчасъ стихаетъ. Невѣста сидитъ въ отдаленной комнатѣ, окруженная родственницами. Она изъявила уже отцу согласіе на бракъ, отецъ, въ свою очередь, передалъ его кади и послѣднему остается лишь благословить брачующихся. При этомъ кади спрашиваетъ: „Хочешь-ли взять въ жены дочь такого-то, съ магари въ такой-то суммѣ?" Послѣ утвердительнаго отвѣта кади говоритъ: „Вѣнчаю тебя, такого-то, съ дочерью и пр., при магари въ такой-то суммѣ."

Этимъ исчерпывается содержаніе обряда. Вновь звучитъ музыка, и новобрачный отправляется домой. Впрочемъ, время „куингіа юмбани" (вступленія въ домъ) зависитъ отъ обстоятельствъ: если оно пріурочивается не ко дню свадьбы, то можетъ быть отсрочено на недѣли, мѣсяцы и даже годы. Возвращеніе къ домашнему очагу считается наиболѣе умѣстнымъ въ четвергъ вечеромъ. Молодой супругъ идетъ къ дому жены, опять въ сопровожденіи друзей и родственниковъ и хора музыки; на этотъ разъ въ процессіи принимаютъ участіе и женщины. Жительницы Ламу не закрываютъ лицъ, подобно гражданкамъ другихъ магометанскихъ государствъ; за то они ходятъ подъ прикрытіемъ „шираги"—нѣчто вродѣ паланкина, несомаго двумя рабынями.

Молодая весь день готовится къ свадьбѣ. Родственницы натираютъ ея тѣло сандаломъ, облекаютъ въ новыя, пышныя одежды и украшаютъ ее золотыми серьгами, браслетами и пр. Невѣста изъ богатой семьи имѣетъ собственный полный нарядъ; а у менѣе имущихъ людей—его собираютъ по частямъ, занимая у сосѣдей то одно, то другое.

И бѣдная женщина, отягощенная украшеніями, одурманенная испареніями благовонныхъ веществъ, сидитъ за занавѣсью и не знаетъ, что ждетъ ея. Она заливается горькими слезами. У завѣсы сидитъ тетка, напротивъ — свободный стулъ; его занимаетъ новобрачный; онъ достаетъ изъ „даувати" (шкатулки), несомой вольноотпущенникомъ, извѣстную сумму денегъ, сообразно своей имущественной состоятельности, и завернувъ ее въ шелковый платокъ, вручаетъ теткѣ, отъ которой деньги переходятъ къ новобрачной. И мужъ возвращается къ гостямъ. По окончаніи свадебнаго пира, онъ получаетъ подарокъ обратно,—значитъ, скупиться не для чего.

Являются „валиши" (рабыни) и уводятъ молодого, чтобы облечь его въ „кизуту" (платки, носимые женщинами) и онъ не смѣетъ въ теченіе семи дней ихъ снимать. Въ серебряныхъ кувшинахъ подаютъ розовую воду, проливаютъ двѣ-три капли на ноги молодого, жидкость стекаетъ въ серебряную чашу, въ нее же новобрачный бросаетъ двадцать-тридцать рупій; по его примѣру, отецъ, дядя, родственники и друзья и даже лица совершенно посторонія опускаютъ по двѣ рупіи. Гости галдятъ, торгуются, и воздухъ полонъ оглушительнаго гама.

Между тѣмъ, молодой успѣлъ уже помѣститься на удобномъ ложѣ, украшенномъ цѣнными матеріями; опять валиши вокругъ него и обвѣваютъ его вѣерами,—при страшной духотѣ и давкѣ это далеко не лишнее. Обрядъ „даренія" выполненъ; посторонніе гости расходятся и остается лишь тѣсный кружокъ родныхъ и друзей. Съ ними молодой дѣлитъ свадебную трапезу. Но вотъ и ужинъ окончился. Новобрачный идетъ къ своей „избранницѣ"—только съ этой минуты онъ получаетъ право вглядѣться въ нее. Казалось бы, пирующимъ пора и честь знать, оставить, наконецъ, молодыхъ въ покоѣ. Но традиціи предписываютъ иное: гости приникаютъ къ завѣсѣ, подслушиваютъ, подглядываютъ; старшая изъ рабынь остается даже въ комнатѣ новобрачныхъ. Потомъ друзья не преминутъ открыть пальбу изъ ружей; по улицамъ и домамъ разносятся звуки выстрѣловъ и криковъ „imekuwa Harussi" (бракъ совершенъ).

Семь дней не прекращается пированье. Расходы по угощенью берутъ на себя родители новобрачной, и въ старину на эту то статью и шло „киту". На пятый день—парадный обѣдъ; къ нему приглашаются всѣ, принимавшіе участіе въ обрядѣ „даренія" и много совершенно стороннихъ лицъ. Молодой платитъ за обѣдъ, но истраченное вычитаетъ изъ свадебнаго подарка.

На восьмой день, обыкновенно въ пятницу, молодой снимаетъ съ себя женскіе платки, о которыхъ сказано выше, и въ торжественной процессіи отправляется въ мечеть къ богослуженію. Отецъ его снабжаетъ жилище сына рисомъ, міамой (просо), масломъ, сахаромъ, чаемъ, кофе, солью и пр.; даетъ для посадки и пальмовые дички, а прежде полагалось еще извѣстное число рабовъ для обработки полей. Объ остальномъ заботится ужъ самъ сынъ,—онъ вступаетъ на самостоятельный путь. Отецъ новобрачной, съ своей стороны, даритъ молодымъ домъ, драгоцѣнности и рабынь для услуженія.

Еще дважды семь дней не выходитъ молодая изъ дома. Въ это время мужъ, по обычаю, не разстается съ ней, развѣ только для посѣщенія мечети. По вечерамъ собираются къ новобрачнымъ женщины со всѣхъ концовъ поселенія; ихъ привлекаетъ либо сочувствіе, либо простое любопытство. Молодая не должна вмѣшиваться въ бесѣду гостей; если съ ней заговорятъ, она отвѣтитъ лишь молчаливымъ поклономъ. По истеченіи двухъ недѣль, въ четвергъ вечеромъ, сходится вся родня и подруги новобрачной, которые готовы сопровождать ее въ традиціонной вечерней прогулкѣ, по нашему—визитахъ. Подъ звуки пѣсенъ колышется длинный рядъ „шираговъ". Визитеры направляются сперва къ близкимъ родственникамъ сочетавшихся бракомъ молодыхъ людей, и вновь сыплются золотыя и серебряныя монеты, въ даръ героямъ дня. Потомъ посѣщаютъ друзей, знакомыхъ, и молодая вступаетъ въ „свѣтъ".

Страничка изъ англійской жизни.

Сохранилось преданіе, будто королева Елисавета, проѣзжая черезъ одинъ изъ большихъ англійскихъ городовъ, была поражена необыкновеннымъ безобразіемъ мѣстныхъ жительницъ. Подъ вліяніемъ этого неблагополучнаго впечатлѣнія, королева пришла къ выводу, что если мужчины не будутъ заинтересованы въ заключеніи браковъ, то множество дѣвушекъ такъ и не познаетъ радостей семейныхъ. И Елисавета установила выдачу денежныхъ наградъ или пособій тѣмъ представителямъ сильнаго пола, которыхъ не устрашитъ безобразіе слабаго. Съ тѣхъ поръ и по наши дни въ Англіи существуютъ учрежденія, выдающія приданыя - конечно, дѣвушкамъ. Напримѣръ, старинный городокъ Sutton Coldfield изъ года въ годъ расходуетъ по тысячѣ рублей на бѣдныхъ невѣстъ. Перваго мая, въ десять часовъ утра, городскіе судьи приступаютъ къ выбору четырехъ дѣвушекъ и каждой назначаютъ соотвѣтственную сумму; деньги выдаются на руки лишь по истеченіи года, опять-таки 1 мая, послѣ того какъ судьи удостовѣрятся, что бракъ дѣйствительно состоялся и избранная вела себя примѣрно. Но въ 1902 году явилось семь претендентокъ на пособіе, и судьи отдали предпочтеніе тѣмъ, которыя давно поселились въ Sutton'ѣ, если не были мѣстными урожeнками; возрастъ избранныхъ выразился: 24, 26, 29 и 42 годами! Въ Виндзорѣ деньги выдавались на руки немедленно; но такъ какъ иныя невѣсты, получивъ приданое, преисполнялись нерасположеніемъ къ браку, то пришлось отсрочить этотъ актъ вплоть до окончанія свадебнаго обряда. Въ Лондонѣ существуетъ учрежденіе, такъ называемое Pasquali-Favale, обдѣляющее ежегодно приданымъ трехъ дѣвушекъ приличнаго поведенія, 16—25 лѣтъ. Жребій указываетъ счастливицъ. Другое такое учрежденіе состоитъ въ вѣдѣніи синагоги и заботится лишь о невѣстахъ еврейкахъ. Основатель третьяго—Baines Charity—поставилъ условіемъ, чтобы приданое въ тысячу руб. ей доставалось двадцатидвухлѣтней воспитанницѣ извѣстной школы; дѣвушка избирается посредствомъ жребія, который вынимается въ запечатанномъ конвертѣ изъ старинной вазы. Вскрытіе печатей совершается въ торжественной обстановкѣ; оно предшествуетъ парадному обѣду, послѣ котораго избранницу чествуютъ хоровымъ пѣніемъ, здравицами и т. п.

Бристоль богатъ своеобразными учрежденіями: два изъ нихъ предназначены именно для выдачи приданаго и оба вѣдаются городскимъ управленіемъ. Въ 1622 году Томасъ Уайтъ завѣщалъ проценты съ извѣстной суммы на ежегодное „содѣйствіе" четыремъ дѣвушкамъ къ выходу замужъ; условія, поставленныя учредителемъ, таковы: дѣвушка должна быть хорошаго поведенія, бѣдна, но имѣть нѣкоторыя сбереженія, и занимать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ту или иную должность; кромѣ того, она обязана доказать, что бракъ ея разсудителенъ, а избранникъ - человѣкъ трудолюбивый и нравственный. Выборы происходятъ во вторую пятницу января. „Red Maids School" въ Бристолѣ и учрежденіе маркиза Бутъ въ Кардифѣ—преслѣдуютъ тѣ же цѣли. Маркизъ поставилъ, между прочимъ, условіемъ, чтобы избранныя напоминали объ имени ихъ благодѣтеля. Раздачѣ приданаго предшествуетъ чтеніе городскимъ головой первыхъ одиннадцати главъ Евангелія отъ Іоанна.

* * *

Англія, говорятъ намъ, страна свободы; каждый можетъ поступать, какъ хочетъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ въ столкновеніе съ уголовнымъ закономъ. Но въ дѣйствительности, это далеко не такъ: и англичанину приходится слишкомъ часто считатся съ требованіями общественнаго мнѣнія, обычая, порою нелѣпаго, но за то древняго, и т. п. Законовъ неписаныхъ, пожалуй, больше, чѣмъ писаныхъ.

Имѣетъ-ли право свободный гражданинъ носить шляпу по своему усмотрѣнію? Нѣтъ, не всякому гражданину дарованo такое право. Напримѣръ, кучера лондонскихъ омнибусовъ: до перваго мая они не осмѣлятся смѣнить тяжелаго цилиндра на болѣе легкій головной уборъ, хотя бы погода стояла теплая, жаркая!.. Напротивъ, по установившемуся на лондонской биржѣ обычаю, позже 30 сентября никто не рѣшится войти въ зданіе биржи въ свѣтлой шляпѣ. И если какой-нибудь разсѣянный маклеръ нарушитъ это правило, нѣтъ ему спасенія отъ шутокъ и насмѣшекъ, что посыпятся на него со всѣхъ сторонъ. Съ бѣдняги тотчасъ собьютъ шляпу и начнутъ ее перебрасывать изъ угла въ уголъ, пока она не образуется въ блинъ.

Уважающій себя банковый служащій не одѣнетъ никакой шляпы, кромѣ цилиндра. Иныя фирмы въ Сити запрещаютъ своимъ клеркамъ носить цвѣтные галстухи и запускать бороду или усы.

Барышнямъ - телеграфисткамъ разрѣшено одѣваться лишь въ два цвѣта: черный и бѣлый, или, въ крайнемъ случаѣ, въ свѣтло-синій. Въ ресторанахъ прислуга обязана придерживаться не только формы одежды, но и установленнаго хозяиномъ образца прически! Замѣтимъ мимоходомъ, что служащіе въ ресторанахъ не имѣютъ права носить платья съ карманами! Мотивы такого запрещенія понятны. Но больше того: изъ обихода изгнаны широкіе кожаные пояса и мода на подвороченные брюки: искуснику много-ли надо, чтобы скрыть нѣсколько монетъ!..

Во многихъ театрахъ капельдинерамъ воспрещено носить перстни, такъ какъ бывало не мало случаевъ тяжкаго избіенія посѣтителей театровъ, и дирекціи приходилось потомъ возмѣщать убытки здоровья, причиненные неумѣстнымъ рвеніемъ своихъ служащихъ.

Лондонъ,
конецъ января 1903 г.

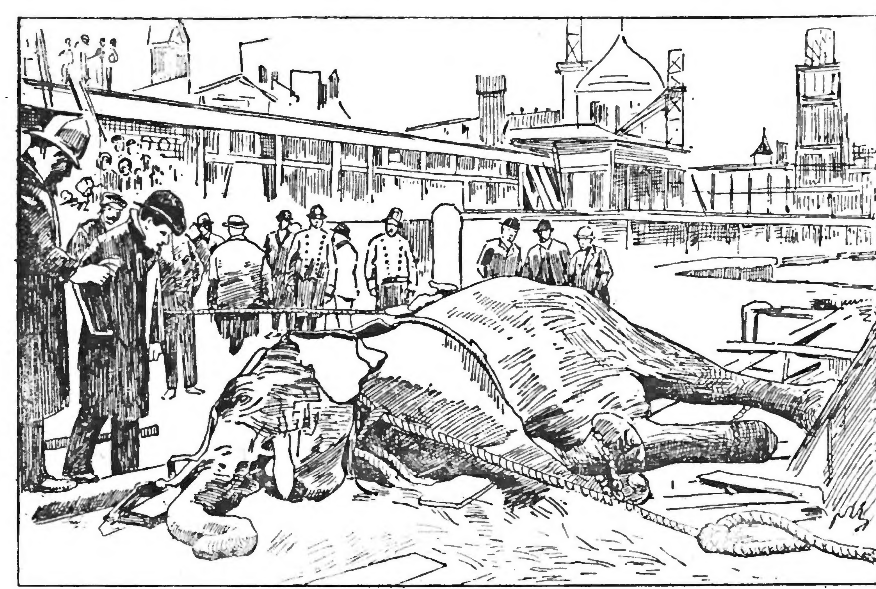

МАЛЕНЬКАЯ СТАТИСТИКА.

По поводу рожденія второй дочери у итальянскаго короля не лишена интереса слѣдующая статистика: у австрійскаго императора—двѣ дочери; у бельгійскаго три; у англійскаго - три дочери и одинъ сынъ, принцъ Уэльскій; принцъ Уэльскій, напротивъ, имѣетъ трехъ сыновей и одну дочь; испанскій король—единственный сынъ, у него двѣ сестры. Черногорскаго князя небо наградило шестью дочерьми и тремя сыновьями; королевѣ нидерландской, румынскому королю и сербскому оно вовсе отказало въ этой милости. Есть семьи монарховъ, въ которыхъ число принцевъ превосходитъ число принцессъ; такъ, у короля шведскаго четыре сына, а дочерей нѣтъ; германская императрица родила мужу шесть сыновей и одну дочь, греческая—пять сыновей и также одну дочь. Наилучшая пропорція установилась въ семьѣ датскаго короля: у него три дочери, вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна, супруга Эдуарда VII и герцогиня Кумберлэндская, и трое сыновей: наслѣдный принцъ Христіанъ, король греческій и принцъ Вольдемаръ.

Кончина Топси.

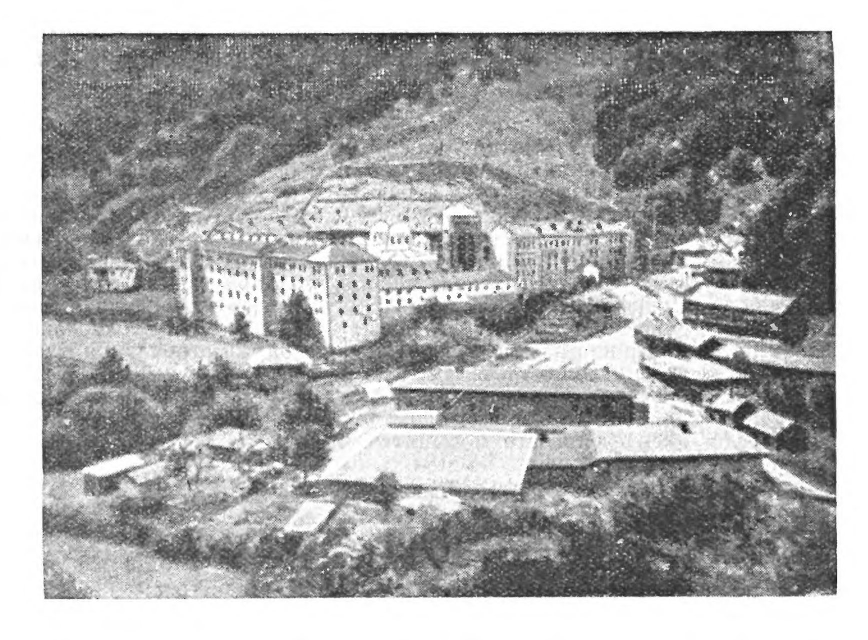

Въ окрестностяхъ Нью-Іорка недавно казненъ закоренѣлый преступникъ, обвиненный въ троекратномъ убійствѣ. При его казни присутствовало свыше шести сотъ людей: — тамъ были журналисты, врачи, фотографы и масса любопытныхъ. Убійца—слонъ по имени Топси. Съ раннихъ лѣтъ онъ обнаруживалъ преступныя наклонности и способность впадать въ ярость. Въ 1900 году онъ убилъ одного изъ сторожей зоологическаго сада; черезъ годъ—еще одного. Вскорѣ послѣ этого преступленія Топси покушался на жизнь человѣка, который „шутя" приподнесъ ему горящую сигару. Все это было ему прощено. Но вотъ съ мѣсяцъ назадъ неисправимый преступникъ задумалъ лишить жизни ненавистнаго сторожа. Дальше нельзя было терпѣть подобныхъ безчинствъ. Топси приговорили къ смерти. Противъ повѣшенія, однако, возстало общество покровительства животнымъ и потому прибѣгнули къ электричеству. Шесть тысячъ шестьсотъ вольтъ проникло въ тѣло слона по проводамъ, проложеннымъ изъ городской электрической станціи къ мѣсту казни; проволоки были подведены подъ ступни связаннаго и скованнаго великана. Онъ выгнулъ хребетъ, выкатилъ глаза .. и судорожно сомкнулся ротъ. Каждый мускулъ этого огромнаго тѣла задрожалъ и напрягся. Еще мгновеніе—разомкнутъ токъ, и великанъ рухнулъ на земь... Топси палъ жертвой правосудія.

КТО ДѢЛАЕТСЯ БРОДЯГОЙ?

Число неимущихъ и бездомныхъ очень велико въ каждой европейской столицѣ. Изъ этой массы обездоленныхъ людей характерно выдаются неисправимые,

такъ сказать, бродяги. По наблюденіямъ соціологовъ, не больше 15 проц. среди нихъ отличаются нормально-душевнымъ состояніемъ. Либо тѣлесныя заболѣванія, либо условія общественной жизни были причиной того, что эти-то 15 проц. пополнили контингентъ бродягъ. Въ послѣднее время гейдельбергскій ученый Вильмансъ опубликовалъ результаты своихъ наблюденій надъ психикой бродягъ. Прежде всего обращаетъ вниманіе то обстоятельство, что, въ противоположность привычнымъ преступникамъ, бродяга характеризуется пассивностью воли и ослабленіемъ разсудочной дѣятельности. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ эти отличительные признаки выражены не такъ сильно, на первый планъ выступаютъ инстинкты преступности. Значительный процентъ приходится на алкоголиковъ: обыкновенно пьяница начинаетъ бродяжничать на четвертомъ-пятомъ десяткѣ лѣтъ. Этому предшествуетъ пониженіе его работоспособности и одновременное усиленіе безволія и интеллектуальной немощи. Блѣднѣе проявляется влеченіе къ опредѣленному труду; зависть и страсть къ насилію, напротивъ, все громче говорятъ въ сердцѣ человѣка, уже давно тяготившагося узами семьи и осѣдлости. Алкоголикъ сначала унижается до нищенства, позже до бродяжества. Такова же участь слабоумныхъ и эпилептиковъ: первые впадаютъ въ бродяжество въ раннемъ возрастѣ, вторые пополняютъ его кадры подъ вліяніемъ необъяснимаго и неодолимаго внутренняго импульса, толкающаго его на большую дорогу. Они уходятъ безъ копѣйки, безъ паспорта, и странствуютъ по всему свѣту. Одинъ изъ такихъ несчастныхъ прошелъ по всей Испаніи, Франціи, Австріи до Константинополя; онъ руководился единственно линіей телеграфныхъ столбовъ и чутьемъ, вообще очень развитымъ у бродячаго народа.

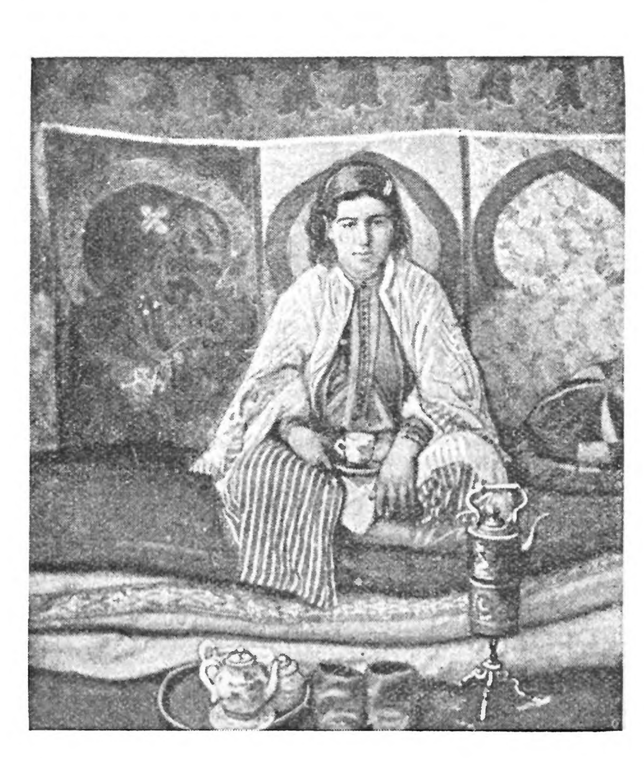

Къ событіямъ въ Македоніи. — Рыльскій монастырь въ Болгаріи.

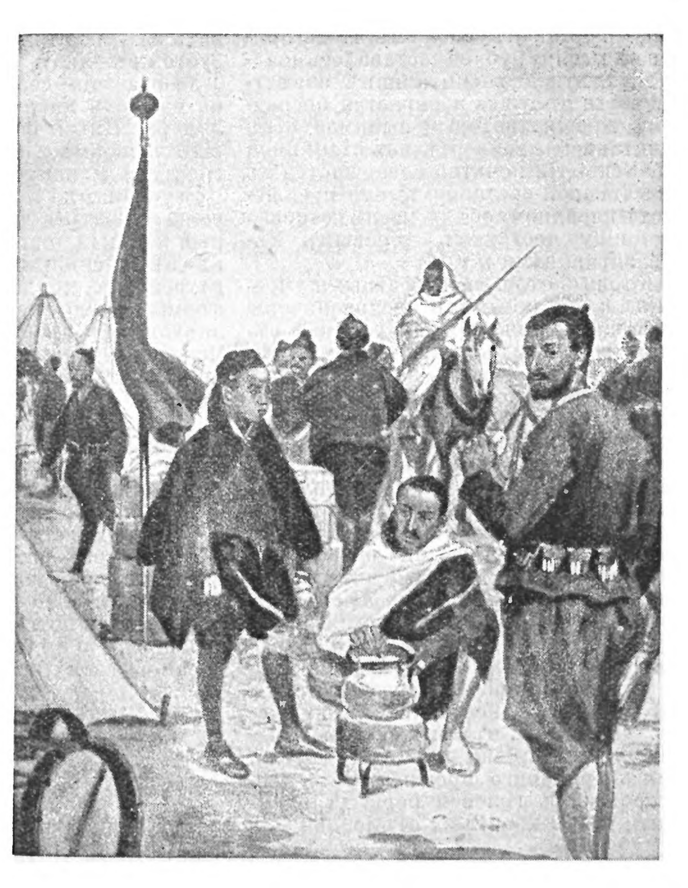
ПАРИЖАНЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ.

Съ удивительной энергіей и подъемомъ духа пришли французы или точнѣе—парижане—на помощь бѣдствующимъ бретонскимъ рыбакамъ. Парижъ еще разъ доказалъ, какъ быстро умѣетъ онъ организовать грандіозныя благотворительныя предпріятія, и какъ велики средства, которыми онъ можетъ свободно располагать въ подобныхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ. Публика не выжидала даже газетныхъ воззваній и сама первая несла свою щедрую лепту. Конторы газетъ и журналовъ были завалены денежными посылками; но кромѣ денегъ, со всѣхъ сторонъ присылали платье, обувь, пищевые продукты. Публика торопила прессу открыть подписку. И въ теченіе двухъ недѣль подписка дала болѣе милліона наличныхъ денегъ. „Gaulois“ собралъ 125.000 тысячъ рублей, „Figaro“ пятьдесятъ, „Matin“, двадцать пять „Temps“ пятнадцать. Всѣхъ не перечислить. Въ Ліонскій Кредитъ было внесено до двухсотъ пятидесяти тысячъ. Палата депутатовъ ассигновала двѣсти тысячъ рублей. Корреспонденты газетъ, посланные редакціями въ Бретань, немедля приступили къ раздачѣ пищи. Благодаря такимъ энергичнымъ мѣрамъ, рыбаки уже обезпечены въ отношеніи продовольствія на всю зиму. Хлѣба, мяса, овощей, топлива, теплаго платья, новыхъ сѣтей—всего, всего получили они вдоволь по милости щедрыхъ парижанъ. Зима уже не страшна имъ. И заранѣе принимаются мѣры, чтобы бѣдствіе не повторилось въ будущемъ году. Въ этомъ сплоченіи имущихъ и неимущихъ въ годину несчастья есть по истинѣ трогательное и величественное проявленіе нравственной силы французской націи.

Марокканка въ домашнемъ нарядѣ.

Къ событіямъ въ Марокко.—Сцены лагерной жизни.

Съ моментальнаго снимка Р. Цабеля, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппэръ.